

В отличие от британских империалистов, предпочитавших метод косвенного управления, французские империалисты стремились к непосредственному господству в стране. Каждая колониальная страна оказывалась опутанной сетями французской колониальной администрации. Местные правители, будь то султан Марокко или вожди африканских племен, не имели ни малейшей реальной власти. Подобная централизация управления колоний свидетельствовала об относительной слабости французских империалистов по сравнению с империалистами других стран, она предопределила их изоляцию перед лицом национально-освободительного движения.

Французские империалисты подчинили своей администрации племенные и феодальные объединения. Они тщательно контролировали деятельность и урезывали власть стоящих во главе этих объединений владык. Поэтому во французских колониях в отличие от других колониальных стран часть феодалов перешла на сторону национально-освободительного движения. Красноречив пример султана Марокко и некоторых феодалов Алжира.

Официальная пропаганда трубит о социальном прогрессе, якобы достигнутом в колониях. Но на деле он находится на том же уровне, что и экономика. Альбер Сарро еще в 1923 году так определил цель социальных преобразований в колониях: «сохранять и увеличивать человеческий капитал для потребностей финансового капитала»¹.

Достаточно одного примера: в Алжире, где более ста лет проводится политика ассимиляции, в 1954 году только семь процентов мусульман читали по-французски. Среднее, высшее и техническое образование охватывает в процентном отношении в 100 раз меньше, чем французам, число алжирцев. Огромные области в Алжире с населением в 80—100 тысяч человек, по данным 1956 года, не имели ни одного врача.

Приведенный обзор показывает, что паразитизм французского империализма, его стремление к хищнической эксплуатации привели к полной его изоляции в колониях.

Во французских владениях все классы и слои общества чувствовали на себе отчетливее, чем в колониях других стран, всю тяжесть колониального гнета. Они пришли к выводу, что пора положить этому конец.

В целом национально-освободительное движение во французских колониях вследствие особенностей французской колониальной политики стало более сплоченным, более застрахованным от беспринципных компромиссов и хитроумных сделок. Народы французских колоний решительно не желают довольствоваться полумерами и теми уступками, которые им предлагают колонизаторы.

Вот в общих чертах обстановка, в которой французские империалисты вынуждены решать проблемы, возникшие перед ними в связи с распадом мировой системы колониализма.

(Продолжение следует)

¹ Albert Sarraux. La mise en valeur des colonies française, 1923.

Этот репортаж из Сайгона дает представление о городе, который пропагандисты, находящиеся на службе американских империалистов, называют «городом света».

Учитывая репрессии, которым в Южном Вьетнаме подвергаются все люди, говорящие правду о стране, автор этих строк решил воздержаться от опубликования своего имени.

Как и все вновь прибывшие в Сайгон, я считал в первое время, что Сайгон — красивый, хороший город, настоящая «столица, купающаяся среди моря огней», как кричат радио и пресса Южного Вьетнама. Прибывшего в Сайгон провинциала не могут не ослепить огни, которые гаснут и вновь зажигаются над входом в дансинг, в рестораны, на рынки. Сайгон не только ослепляет, он вызывает головокружение, он оглушает американским джазом, гудками машин и разными другими шумами.

Но мне было достаточно пожить несколько дней в Сайгоне, чтобы стать свидетелем того, как насаждается в Южном Вьетнаме «американский образ жизни».

* * *

Рабочий день только что закончился. Машины заполнили улицы, набережную Бак Данг. Вдруг с берега раздался возглас: «Самоубийство! Кто-то утопился!» В одну секунду собрались сотни людей. Все старались увидеть, как полицейские спасают утопленника. Это была женщина. Слышались предположения: «Наверно, она потеряла работу», «Может, проигралась в карты?», «Еще одна ревнивица! Конечно же, у мужа была любовница!»

Когда женщину вытащили из воды, полицейский спросил строго, но не без сострадания:

— Почему вы решили покончить с собой?

— Я? Покончить с собой?! Кто это сказал? Я не сумасшедшая! — ответила спасенная, стряхивая воду с платья и поправляя прическу на глазах удивленной публики. Не дожидаясь других вопросов, она улыбнулась и, указывая пальцем на свое лицо, губы, произнесла одним махом:

— Господа, дамы, посмотрите внимательнее на мое лицо. Я бросилась в воду, я плавала. Течение реки быстрое. Однако, как вы видите, краска на лице и губная помада несколько не пострадали. Я покупаю краску и помаду американского производства. Вот это марка! А что касается платья, то достаточно слегка отжать его, и оно станет совершенно сухим. Оно сделано из ворсистого нейлона высшего качества, который продается в магазине Д. Б. на улице X.

Затем она спокойно идет к лежащему на берегу мотороллеру американской марки «Веспы», садится и уезжает.

Сзади раздаются восклицания:

— Вот типичная американская реклама!

— Каково! Не надо было вытаскивать из воды эту шлюху!

В этом репортаже изложена печальная действительность. Она лишней раз подтверждает истинное положение вещей в Южном Вьетнаме, стонущем под властью американско-вьетнамской клики.